

Лу Монань не зря проделал этот путь — все его просьбы были удовлетворены. Однако перед уходом он довольно серьезно посмотрел на своего близкого друга:

— Цзинчэнь, эти годы я держался на расстоянии от Шэнь Лянь, чтобы не ставить себя в неловкое положение. Но сейчас... Ты как-то сказал мне, что у тебя нет к нему чувств. Я знаю, что, возможно, поторопился, ведь вы только недавно развелись... Если тебя хоть что-то смущает, можешь сказать прямо, не стесняйся. Мы дружим столько лет.

Приходилось признать: у Лу Монаня тонкая и проницательная душа. Чжоу Цзинчэнь понимал его искренность и мог отвечать с легкой, открытой улыбкой — выражение его красивого лица было безупречным.

— Со мной все в порядке.

Услышав это, Лу Монань облегченно улыбнулся, кивнул в знак прощания и вышел из кабинета.

Снова воцарилась тишина. Чжоу Цзинчэнь лениво откинулся на спинку кресла и с силой потер переносицу. Лишь когда телефон зазвонил несколько раз подряд, он пришел в себя.

Это был Су Цзыжань. Он спрашивал, свободен ли Чжоу Цзинчэнь в пятницу вечером, чтобы сходить в кино — это было их любимым занятием в прошлом.

Чжоу Цзинчэнь был киноманом. Его интересы были просты и немногочисленны: карты, кино да автомобили.

Действительно, он давно не позволял себе расслабиться, поэтому в трубку ответил согласием.

Сеанс начинался в восемь вечера. В пятницу, закончив работу, Чжоу Цзинчэнь заехал за Су Цзыжанем, они вместе поужинали и как раз успели к началу фильма.

Это была американская научно-фантастическая лента с элементами детектива — как раз в его вкусе.

Однако Су Цзыжань сегодня был явно не в духе кино. В темноте зала он не отрывал влюбленного взгляда от сидящего рядом мужчины.

Этого человека он когда-то отпустил, но теперь, во что бы то ни стало, он будет держать его крепко!

Фильм закончился, в зале зажегся свет, но многие не спешили уходить — поговаривали, что в конце будет бонусная сцена.

Чжоу Цзинчэнь повернулся к нему, чтобы обсудить сюжет. Су Цзыжань улыбнулся в ответ, а затем достал телефон и выложил пост в соцсети.

Воспоминания, бьющие наотмашь

В посте не было ни слова — только два снимка. На одном — праздничный ужин и два прибора,

на другом — два корешка от билетов в кино.

У Шэнь Лянь была привычка перед сном просматривать ленту. Он увидел этот пост. Хотя на фото не было лиц, он был слишком чувствителен к обновлениям Су Цзыжання и невольно задержал взгляд.

И правда, красиво живут.

Ему было трудно представить Чжоу Цзинчэнь в кинотеатре. Куда подевались его аристократизм и сдержанность? Этот старый лис готов идти в толпу ради своего улыбчивого хитреца.

Аватарка Су Цзыжання вдруг показалась Шэнь Лянь до тошноты раздражающей. Впрочем, она раздражала его с самого начала, но где-то в глубине души теплилось нездоровое любопытство.

Он знал, что это постыдное и болезненное желание, но ничего не мог с собой поделать — хотелось увидеть, насколько они счастливы.

Ведь Су Цзыжань добавил его в друзья именно ради этого, не так ли? Как же он мог разочаровать его?

Однако, проглотив пару порций этой сладкой парочки, Шэнь Лянь почувствовал, что сыт по горло. Дальше — только тошнота. Ради собственного здоровья он с каменным лицом зашел в профиль Су Цзыжання, заблокировал его ленту и выключил свет.

У фильма был высокий рейтинг на Douban — 9,5, редкий шедевр. По дороге домой Чжоу Цзинчэнь все еще прокручивал в голове скрытые смыслы сюжета, восхищаясь размахом фантазии иностранных режиссеров.

— Цзинчэнь, ведь неплохой фильм, правда?

Су Цзыжань пытался завязать разговор. Он почти не следил за сюжетом, но знал, что Чжоу Цзинчэнь смотрел очень внимательно.

И действительно, Чжоу Цзинчэнь обсудил с ним пару ключевых моментов. Су Цзыжань тихо слушал, в его глазах разгоралось обожание, и он не удержался:

— Поедем ко мне?

Намек был более чем прозрачен. Двое взрослых мужчин, ведущих себя так осторожно, словно целомудренные юноши — в это никто бы не поверил, но Чжоу Цзинчэнь был особенным.

С детства дед держал его в ежовых рукавицах: манеры, речь, поведение — все должно было соответствовать аристократическому духу. Он не то что ругаться, даже грубости себе не позволял.

Сказав это, Су Цзыжань покраснел, как застенчивая невеста, — от чистого волнения.

На перекрестке загорелся красный свет.

Чжоу Цзинчэнь медленно затормозил перед белой линией. В этой ситуации он был абсолютно спокоен и не испытывал ни малейшего романтического порыва.

— Цзыжань, мне нужно еще поработать сверхурочно.

Су Цзыжань поерзал, устраиваясь поудобнее, и с ноткой тревоги добавил:

— Тогда я подожду тебя!

Взрослый мужчина, готовый ждать — это ли не предел уступчивости? Чжоу Цзинчэнь посмотрел на него, и в его взгляде мелькнуло замешательство. Он и сам не понимал, почему не согласился сразу.

Три года назад он исчез без следа, вынужденный обстоятельствами, на которые надавил дед. Теперь он вернулся. Чжоу Цзинчэнь знал, что поначалу был рад, но сейчас радость прошла, и все стало каким-то другим.

Он хотел вернуться в прошлое, когда они были неразлучны и понимали друг друга с полуслова. Ради этого он даже развелся с Шэнь Лянь, надеясь восстановить прежний порядок вещей.

Но он забыл, что время движется вперед, среда меняется, а вместе с ней — и человеческие сердца.

— Цзинчэнь, мы ведь снова вместе, правда? — с надеждой спросил Су Цзыжань и от волнения схватил Чжоу Цзинчэня за руку.

Тепло его ладони вызывало странную ностальгию. С момента возвращения они почти не проявляли близости. Раньше ему так и не удалось до конца покорить этого мужчину, неужели и сейчас не выйдет?

Не дожидаясь ответа, Су Цзыжань жалобно добавил:

— Цзинчэнь, раньше я и не мечтал, что у нас будет общее будущее. Мы слишком разные, и то, что я встретил тебя в этой жизни — уже великий дар. Но теперь, когда я вернулся к тебе, я дал себе слово — больше я тебя не оставляю.

Чжоу Цзинчэнь слушал, погружившись в свои мысли, и даже не заметил, как загорелся зеленый свет. Лишь когда сзади начали сигналить, он включил передачу и глухо ответил:

— Я знаю.

Возможно, эти слова тронули его. В итоге Чжоу Цзинчэнь поехал не в офис, а к дому Су Цзыжаня.

Эту квартиру он подарил Су Цзыжаню несколько лет назад. Хотя никто здесь не жил, Чжоу Цзинчэнь не позволял ничего менять.

Правда, с середины года у въезда в жилой комплекс начали строить седьмую линию метро, проезд стал неудобным, и с тех пор, как Су Цзыжань вернулся, он приехал сюда впервые.

Возвращение в старое место, где каждая травинка осталась прежней, произвело на Чжоу Цзинчэня сильное впечатление.

Су Цзыжань именно этого и добивался. Воспоминания вспыхивали, как сухая трава. Охваченный порывом, он обнял Чжоу Цзинчэня со спины и лизнул его в шею.

Тело тридцатилетнего мужчины, привыкшего к аскетизму, не могло не отреагировать. Но он

всегда держался на расстоянии — в его положении чистота репутации избавляла от множества проблем.

Руки Су Цзыжаня не теряли времени даром, расстегивая пуговицы, одну за другой. Он намеренно терся о него, искушая.

Чжоу Цзинчэнь стоял, напряженный, как скала. Его красивое лицо в ночной тьме казалось непроницаемым. Он не двигался, позволяя действиям Су Цзыжаня продолжаться, но когда руки того потянулись ниже, он перехватил их.

— Цзыжань, я немного устал.

Оправдание звучало жалко.

Су Цзыжань замер, не желая отступить, и крепче прижался к нему:

— Тогда останься здесь на ночь?

Он чувствовал его реакцию, почему же он не делает последний шаг?

Чжоу Цзинчэнь тяжело дыша, отстранился и обернулся. Его темные глаза снова стали холодными и ясными.

— Нет, это неудобно.

Если не случалось чего-то из ряда вон выходящего, он никогда не оставался ночевать вне дома.

Су Цзыжань хотел было настоять, но решительный вид мужчины заставил его проглотить слова.

Какой же он человек — этот мужчина, которого хочется и любить, и ненавидеть. Он любил его за чистоту и ненавидел за упрямство.

Чжоу Цзинчэнь — не тот, кого легко подчинить. Неужели у нормального мужчины совсем нет желаний? Нет, они есть, просто он умеет их обуздывать.

Когда он вышел из дома Су Цзыжаня, ледяной ветер пробирал до костей, задувая последнюю искру желания.

Он накинул пальто и уверенной походкой направился к машине, не оглядываясь.

Кто сказал, что мужчины — рабы своих инстинктов? Он никогда не позволял себе быть таким!

Холода продержались почти десять дней, а как только отступили — не за горами был и Новый год.

Ежегодный банкет корпорации Шэнь был назначен на двадцать второе число по лунному календарю. В этом году все казалось таким же, как в прошлом, но в то же время — иным.

Сотрудники знали: на банкете будут присутствовать оба наследника. Ходили слухи об их вражде, и никто не был уверен, пройдет ли вечер гладко.

Шэнь Хуэйяо последнее время вел себя тихо — Шэнь Лянь работал не покладая рук, и Хуэйяо,

не желая отставать, старался хотя бы перед Шэнь Сяньдэ держать лицо.

Однако, увидев план рассадки на банкет, он пришел в ярость!

С какой стати Шэнь Лянь сидит за главным столом вместе с ним?!

Зависть к дураку — это не про меня

Рассадка на банкете имела огромное значение. По мнению Шэнь Хуэйяо, то, что Шэнь Лянь, проработав в корпорации меньше двух месяцев, получил место за главным столом — не что иное, как использование родственных связей.

То ли дело он — годами мотался по делам компании, все в фирме уже привыкли считать его будущим наследником. А теперь появился Шэнь Лянь — разве это не пощечина?

В бешенстве Шэнь Хуэйяо вызвал ответственного сотрудника и, не разбираясь, отчитал его, пригрозив лишением годовой премии.

Ответственной была женщина, недавно вышедшая из декрета. Она расплакалась прямо там, вытирая слезы и оправдываясь:

— Господин Яо, этот план рассадки был утвержден председателем, прежде чем его опубликовали.

Смысл был ясен: раз одобрил председатель, их отдел ни при чем.

Шэнь Хуэйяо вытаращил глаза от изумления, а затем в ярости помчался к отцу.

Перед праздниками дела в компании затихли, наступила самая спокойная неделя. Шэнь Сяньдэ пребывал в редком хорошем настроении и пил послеобеденный чай в конференц-зале в кругу доверенных лиц.

Так как все были свои, Шэнь Хуэйяо не стал церемониться и с порога выпалил:

— Папа, ты видел план рассадки на банкет?

Несколько пар глаз уставились на него. Шэнь Сяньдэ прищурился и сухо кивнул:

— Видел. И что?

Значит, он знал. И действительно согласился посадить Шэнь Лянь за главный стол.

— Папа! — Шэнь Хуэйяо, словно разъяренный лев, подскочил к отцу, его голос дрожал от негодования. — Место Шэнь Лянь перепутано! Как он может сидеть за главным столом?

В зале воцарилась гробовая тишина.

Как только сын заговорил о рассадке, Шэнь Сяньдэ понял, к чему тот клонит. Он надеялся, что сын не станет устраивать сцену при посторонних, но, видимо, ошибся.

— Хуэйяо! Ты забыл, что я говорил в прошлый раз? Шэнь Лянь — твой старший брат!

Голос Шэнь Сяньдэ был строг. На этот раз он был по-настоящему недоволен. Остальные

присутствующие смущенно опустили глаза, никто не смел проронить ни слова.

Дела семьи Шэнь не были секретом для близкого круга, но никто никогда не поднимал эту тему вслух.

Шэнь Хуэйяо, упрямый по натуре, огрызнулся:

— Никакой он мне не брат! Я знаю только то, что моя мать родила меня одного!

Сказав это, он вылетел из зала. Шэнь Сяньдэ с силой ударил по столу — этот мальчишка посмел перечить ему при всех!

Совсем избаловался!

На самом деле, выйдя за дверь, Шэнь Хуэйяо пожалел о содеянном. Он всегда был вспыльчив, но раньше не позволял себе такого. Даже если он капризничал, отец обычно прощал ему это.

Но сейчас все иначе. Появился Шэнь Лянь, и в последнее время все идет наперекосяк. Отец стал придавать ему такое значение — неужели этот неудачник действительно может подняться?

Шэнь Хуэйяо со злостью сжал зубы. Он никак не мог понять, на какую удачу напал Шэнь Лянь. Он думал, что после развода с Чжоу Цзинчэнем того ждет крах, но все оказалось иначе.

Какое зелье он подлил старику?

В дурном настроении Шэнь Хуэйяо не захотел оставаться в компании и уехал домой. Он выплеснул свое недовольство Бай Жу, но, к его удивлению, родная мать первым делом отчитала его самого.

— Хуэйяо, ты ведешь себя неразумно. Как ты мог устроить скандал в компании? Твой отец — председатель, у него тоже есть достоинство! Хочешь что-то выяснить — говори дома, но не ссорься с ним на работе.

Слова матери подействовали. Шэнь Хуэйяо знал, насколько она влиятельна — иначе бы они не занимали такого положения в семье.

— Я понял, мама. Просто я был в ярости. Посмотри на Шэнь Лянь — он в компании чувствует себя как рыба в воде. Я не знаю, что у отца на уме.

Услышав это, Бай Жу почувствовала укол в сердце, но, не спеша заваривая чай, ответила ровным голосом:

— Хуэйяо, вместо того чтобы следить за другими, лучше займись собой. Ты уже не ребенок, хватит бездельничать.

Она налила сыну чаю, ее тон был спокойным, но в нем сквозила грусть:

— Если у тебя нет способностей, сможешь ли ты управлять такой огромной компанией, как корпорация Шэнь?

Как бы то ни было, она хотела, чтобы сын добился успеха. И тогда никакой Шэнь Лянь не станет им угрозой.

Шэнь Хуэйяо недовольно нахмурился:

— Конечно, я смогу управлять компанией.

По его мнению, в этом не было ничего сложного.

Были бы деньги — можно нанять высококлассных экономистов и опытных управленцев, и любая компания будет работать как часы.

Бай Жу лишь взглянула на него, сразу поняв, что у него на уме. Она знала цену своему сыну, но как бы то ни было, она не допустит, чтобы Шэнь Лянь снова пришел к власти.

— Ладно, слушай меня: в компании держись с Шэнь Лянь вежливо, с отцом не спорь. Вечером он придет ужинать, извинись перед ним.

Шэнь Хуэйяо с гримасой недовольства неохотно согласился.

С возрастом Шэнь Сяньдэ все больше ценил покой и уют. Он давно устал от светской суеты, поэтому старался возвращаться домой вовремя.

За десять с лишним лет Бай Жу удалось создать видимость нормальной семьи, по крайней мере, внешне все выглядело благопристойно.

Сегодня вечером он собирался как следует проучить сына, но тот проявил благоразумие и заранее извинился. А когда Бай Жу вступилась за него, инцидент был исчерпан.

По правде говоря, с Шэнь Хуэйяо его связывали более близкие отношения, и спустя столько лет Шэнь Сяньдэ все же любил его больше.

— Хуэйяо, проект Шэнь Лянь был выполнен блестяще. Не только Оунин согласился на сотрудничество, но и корпорация Лу проявила интерес. Один этот проект может прокормить всю компанию целый квартал. Если отбросишь предрассудки и поучишься у него, это пойдет тебе на пользу.

Шэнь Сяньдэ говорил искренне, желая сыну добра, но Шэнь Хуэйяо едва не перекосило от злости, когда он услышал похвалу в адрес Шэнь Лянь. К счастью, Бай Жу вовремя сменила тему, и ужин прошел относительно мирно.

Кто бы мог подумать, что Шэнь Лянь так мастерски справится с первым же делом!

Корпорация Лу — известная компания в городе А, не та ли это, которой владеет Лу Монань?

Они были ровесниками, и Бай Жу, глядя на своего непутевого сына, почувствовала неприятный осадок.

Слухи о дневном скандале разошлись по офису. Шэнь Лянь услышал обрывки разговоров от управляющего Линя. Он не знал, то ли смеяться над этим дураком Шэнь Хуэйяо, то ли завидовать ему.

Если бы его так не баловали, хватило бы у него смелости перечить отцу?

Завидовать? Ха, не дождетесь.

Собираюсь в Таиланд

Шэнь Лянь пришел на банкет компании с высоко поднятой головой. На нем был черный костюм сшитый на заказ и темно-красный галстук в полоску — он выглядел статно и элегантно.

Его утонченные черты лица сразу привлекли внимание присутствующих. Темные глаза сияли в свете люстр, и мужчины, и женщины не могли скрыть восхищения — старший наследник клана Шэнь действительно был хорош собой.

Сегодня Шэнь Лянь постарался на славу, ведь Шэнь Хуэйяо сидел прямо напротив него, и он решил весь вечер действовать тому на нервы.

И правда, лицо Шэнь Хуэйяо оставалось мрачным весь вечер. Бай Жу, которая каждый год сопровождала мужа, сегодня только и делала, что удерживала сына за руку, иначе тот не высидел бы и десяти минут.

Она явно недооценила Шэнь Лянь.

Для Шэнь Сяньдэ успех Шэнь Лянь был предметом гордости. Его первый проект оказался настолько успешным, что весь вечер к нему выстраивалась очередь из директоров и коллег, желающих выпить за его здоровье.

Впрочем, поздравляющие делились на два типа.

Те, кто умел говорить: — Председатель, госпожа, молодые господа, мы от лица отдела рекламы хотим поднять бокал за вас! Желаем корпорации Шэнь процветания в новом году!

И те, кто не умел: — Председатель, господин Шэнь Лянь, вы только начали, а уже решили такой важный проект. Яблоко от яблони недалеко падает! Мы все восхищаемся вами, разрешите выпить за вас!

И в придачу — взгляд, полный обожания, направленный на Шэнь Лянь.

Разумеется, это различие касалось только Бай Жу и Шэнь Хуэйяо. Они тут же заносили тех, кто «не умел говорить», в черный список.

Эти люди никогда не станут их доверенными лицами.

Шэнь Лянь скромно принимал комплименты, а перед Шэнь Сяньдэ обязательно упоминал управляющего Линя.

Он был человеком честным и не собирался присваивать все лавры себе. Управляющий Линь долгое время учил его, приложил немало сил. Хотя, честно говоря, Шэнь Лянь чувствовал себя немного не в своей тарелке, понимая, что успех переговоров с Оунин и корпорацией Лу — это не только его заслуга.

Хотя в последнее время он усердно учился и работал, он понимал: все получилось благодаря личным связям.

Как говорил Чу Хань, старый лис, вероятно, чувствовал перед ним вину, а Лу Монань — тот и вовсе, едва узнав его, тут же предложил сотрудничество. Как ни крути, это было следствием их легкой, почти детской привязанности.

Но как бы то ни было, он знал: ему повезло.

<http://bllate.org/book/22299/2335103>